

Научная статья

УДК 94(47).08; 94(575.1)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-91-102

Борьба России против жестоких уголовных наказаний в Бухарском эмирате (коммуникационные аспекты)

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Россия

rpochekaev@hse.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

Аннотация

Рассматриваются причины и основные этапы борьбы Российской империи против жестоких наказаний в Бухарском эмирате в период его пребывания под российским протекторатом (1868–1917). Основное внимание уделено выбору методов и инструментов коммуникации в рамках этой борьбы, учитывая, что административные и правовые средства влияния российских властей на правящие круги Бухары были весьма ограниченными в связи с неопределенными формулировками договоров 1868 и 1873 гг., которыми де-факто и закреплялся протекторат империи над среднеазиатским государством. Анализируются коммуникационные инструменты, использовавшиеся для отмены жестоких наказаний в эмирате российскими чиновниками и дипломатами, представителями предпринимательских кругов и журналистами. В заключение предпринимается попытка ответить на вопрос, почему, несмотря на активность сторонников отмены жестоких и устаревших наказаний в Бухаре, поставленная ими цель так и не была достигнута вплоть до отмены российского протектората.

Ключевые слова

Российская империя, Бухарский эмират, протекторат, преступления и наказания, традиционное государство и право, политическая коммуникация

Для цитирования

Почекаев Р. Ю. Борьба России против жестоких уголовных наказаний в Бухарском эмирате (коммуникационные аспекты) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 91–102. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-91-102

Russia's Fight against the Savage Punishments in the Emirate of Bukhara (Communicative Aspects)

Roman Yu. Pochekaev

National Research University "Higher School of Economics"

St. Petersburg, Russian Federation

rpochekaev@hse.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

Abstract

The article analyzes the instruments of political communication used by Russian authorities and other groups of interests in the fight for the abolition of the most severe punishments in the Emirate of Bukhara as an element of its political-legal and social-economic modernization. On a base of legal acts, notes of contemporaries and periodicals of the end of the 19th – beginning of the 20th centuries the author analyzes using of different communication tools, groups of interests which used them, effectiveness of communicative means. In particular, diplomatic demarches of imperial diplomats and "own example" of the Russian settlements on the territory of the Emirate of Bukhara are examined as

© Почекаев Р. Ю., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 91–102
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 91–102

well as direct political consultations of frontier Russian administration (of the Turkestan Governor-Generalship) with Bukharan emirs and high officials and campaign in periodical at the beginning of the 20th century launched by Russian business circles and political parties. The study clarifies the reasons why the goal was not reached despite the active position of Russian actors: some instruments could be effective in relations with Western states but were not relevant in case of the Central Asian country, besides that, the conflicts between Russian authorities (Military Ministry from one side and Ministry of Foreign Affairs from another) on the “Bukharan question” graded effect of political communication executed by regional authorities and Russian actors immediately in the Emirate.

Keywords

Russian Empire, Emirate of Bukhara, protectorate, crimes and punishments, traditional state and law, political communication.

For citation

Pochekaev R. Yu. Russia's Fight against the Savage Punishments in the Emirate of Bukhara (Communicative Aspects). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 91–102. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-91-102

В историографической традиции уже в XX в. было широко распространено мнение, что после установления российского протектората над Бухарским эмиратом это государство попало под полный контроль российских властей, которые начали вносить значительные изменения в его политическое и социально-экономическое устройство, вытесняя прежние институты новыми, которые устраивали имперские властные и торговые круги. Широко распространено было мнение о том, что эмират фактически являлся частью России, власти которой просто не считали целесообразным включать его в состав империи официально [Турсунова, 2014, с. 184–186; Тухтаметов, 1966, с. 50–67; Халфин, 1965, с. 409–419; Becker, 2004, p. 146–148, 174–177; Holdsworth, 1959, p. 63–65].

Новейшие исследования различных аспектов русско-бухарских отношений эпохи протектората, казалось бы, подтверждают эту позицию. В самом деле, в эмирате были размещены российские войска, обеспечивавшие лояльность вассального правителя империи [Почекаев, 2020]. В 1890-х гг. были сняты таможенные ограничения между Россией и Бухарой [Почекаев, 2016]. На рубеже XIX–XX вв. курс бухарской валюты (таньга) был привязан к российскому рублю, на территории эмирата стали действовать филиалы и отделения российских банков [Алимджанов, 2018а; 2018б]. В начале XX в. в Бухарском эмирате стала действовать российская полиция, боровшаяся с иностранными агентами и местной оппозицией эмиру и российским властям [Котюкова, 2020, с. 52–55]. Таким образом, современные исследователи в полной мере поддерживают тезис о постепенном усилении контроля Российской империи над Бухарой, при этом некоторые из них, отказавшись от прежней «колониационной» парадигмы, склонны видеть в действиях российских властей политику фронтальной модернизации, т. е. постепенного повышения уровня развития протектората с целью последующей полноценной его интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство [Лысенко, Гончаров, 2017].

Однако более детальное изучение политики российских властей по отношению к Бухаре в конце 1860-х – 1910-е гг. дает основание утверждать, что все перечисленные и иные изменения, по сути, носили «косметический» характер, касались исключительно сферы русско-бухарских отношений и совершенно не затрагивали внутренней жизни Бухарского эмирата, сохранившего почти в неприкосновенности все свои основные политические, правовые и социально-экономические институты, существовавшие на протяжении предшествующих веков. Безусловно, российские власти осознавали это и старались изменить ситуацию, однако у них отсутствовали реальные возможности проведения каких бы то ни было радикальных преобразований в эмирате: договоры 1868 и 1873 гг., которые, как считается, закрепляли зависимость Бухары от России, не содержали никаких положений, предоставляющих российским властям право вмешиваться во внутреннюю жизнь эмирата.

В связи с этим имперской администрации, осознававшей необходимость перемен во внутренней жизни Бухары, приходилось использовать неюридические средства и методы влияния

на местные власти для того, чтобы подвигнуть их на определенные изменения. Сегодня мы отнесли бы эти действия к сфере политической коммуникации. В настоящей статье предпринимается попытка проследить применение и эволюцию коммуникационных средств, использовавшихся Россией на примере борьбы за отмену наиболее жестоких и необычных наказаний, применявшихся в Бухарском эмирате. Насколько нам известно, этот вопрос прежде не становился специальным предметом изучения, кроме того, в рамках настоящего исследования применяется комплексный подход, сочетающий методы исторического (источниковедческого), историко-правового и коммуникационного исследования.

Источниковую базу исследования составили записки современников – российских и западных дипломатов, ученых, путешественников, побывавших в Бухарском эмирате в рассматриваемый период и отразивших в своих сочинениях проблему применения жестоких наказаний и борьбу против них российских властей. В качестве источников привлекаются также публикации в российских периодических изданиях, посвященные исследуемой проблеме.

Отметим, что вопрос о жестоких наказаниях в Бухарском эмирате поднимался российской и западной общественностью задолго до установления над ним протектората Российской империи. Иностранные современники, посещавшие эмират с начала XIX в. и вплоть до середины 1870-х гг., упоминают в своих записках о суровых телесных наказаниях за незначительные правонарушения, а также о жестоких казнях, применявшихся бухарскими властями по собственному усмотрению – даже с нарушением предписаний шариата (Бернс, 1848, с. 404–405, 435–436; Демезон, 1983, с. 57–58; Мейендорф, 1975, с. 137, 145; Игнатъев, 1897, с. 236–237; Татаринов, 1867, с. 63–64; Ханыков, 1843, с. 83–84).

Установление протектората Российской империи над Бухарским эмиратом поначалу никак не повлияло на сферу преступлений и наказаний в этом государстве: российские очевидцы первой половины 1870-х гг., так же как и их предшественники, фиксировали применение весьма суровых наказаний бухарскими властями – опять же вопреки представлениям о справедливости и принципам мусульманского права. Так, Л. Ф. Костенко, посетивший Бухару в составе дипломатической миссии в 1870 г., упомянул действие круговой поруки: женщина из гарема эмира оправилась на богомолье, по пути остановившись на ночлег в некоем доме, где была убита, после чего по приказу эмира были немедленно зарезаны все 11 обитателей этого дома, хотя днем позже схватили настоящих убийц (Костенко, 1871, с. 96). Журналист Н. П. Стремоухов, побывавший в Бухаре в 1874 г., дал выразительную характеристику «Башни смерти» – минарета, с которого сбрасывали приговоренных преступников, а также тюремного заключения в «клоповой яме» – подземной тюрьме с множеством насекомых, которые заедали заключенных насмерть, либо же те сходили с ума от условий пребывания в этом месте. Также он описал и другой вид тюрьмы – «классический» зиндан, в котором пожизненно пребывали приговоренные, не видя света и выживавшие лишь благодаря пище, приносимой их родственниками. Упомянул он и варварские методы получения показаний подозреваемых: поджаривание на углях, отрубание разных частей тела, выкалывание глаз, выдергивание ногтей, волос и пр. (Стремоухов, 1875, с. 683–684) Тем самым, как представляется, авторы этих сообщений обращали внимание властей на наличие проблемы жестоких средневековых наказаний в эмирате, установление протектората над которым преследовало цель модернизации отношений в этом государстве – повышения уровня его развития путем распространения в нем определенных российских (т. е., по сути, европейских) ценностей. Сфера преступлений и наказаний в этом отношении являлась одним из наиболее ярких примеров несоответствия текущего состояния Бухарского эмирата и планов имперской администрации.

Еще одной причиной борьбы российских властей за отмену жестоких наказаний в эмирате стало распространение принципов и норм бухарского права на территории, которые вошли в состав эмирата в последней четверти XIX в. в том числе и при содействии российских властей. К таковым, в частности, относились государства Дарваз и Каратегин, вошедшие в состав эмирата в 1870-е гг., а также западно-памирские горные княжества Вахан, Рушан

и Шугнан, ставшие бухарскими владениями по итогам русско-британского соглашения о мирском разграничении между Бухарским эмиратом и Афганистаном 1895 г. [Искандаров, 1962, с. 133–153; Халфин, 1975, с. 8–17] Естественно, сделав эти владения частью российского протектората, имперские власти чувствовали определенную ответственность за их судьбу, и попытки бухарских властей распространить на них систему наказаний, действовавшую в эмирате, в рамках которой телесные наказания и смертная казнь заменили штрафы, ранее применявшиеся за те же преступления (Кузнецов, 1893, с. 71; Серебренников, 1900, с. 83–84), заставляли русскую администрацию настойчиво бороться за изменение принципов уголовно-исполнительных отношений не только на этих территориях, но и в эмирате в целом.

Первые попытки изменить ситуацию в Бухаре представители Российской империи стали предпринимать с конца 1870-х гг., когда стало очевидным укрепление русского влияния в эмирате и зависимость эмира от имперской администрации. Тем не менее, отсутствие правовых средств воздействия на эмира и правящие круги Бухары заставляло даже уполномоченных российских чиновников и дипломатов предпринимать неформальные шаги в рамках борьбы с жестокими наказаниями, используя различные средства коммуникационного воздействия.

Первым из них стали своеобразные «демарши» российских дипломатов, чьи посещения совпадали с казнями, устраивавшимися по приказу эмира. Так, Н. А. Маев, туркестанский военный чиновник и публицист, описал случай, когда ко двору эмира прибыл некий токсаба (региональный чиновник) Рахматулла, ранее участвовавший в восстании Катта-хана, сына эмира против отца. Несмотря на то что сам эмир ранее помиловал всех участников восстания, он тут же составил «хатт» (смертный приговор), и токсаба был казнен, а его труп приказали оставить до вечера на улице. Российские дипломаты, ставшие свидетелями казни, отказались ехать во дворец мимо трупа казненного и заявили о своем отъезде; в ответ на просьбу эмира отсрочить отъезд ими было указано, что сам эмир не отсрочил казнь до их убытия (Маев, 1879, с. 106). Аналогичное решение российских дипломатов было принято в 1888 г., когда был убит влиятельный бухарский сановник диван-беги, а его убийца отдан на волю родственников жертвы, которые замучили его до смерти, привязали труп к ослу и провезли через весь город, затем бросив на съедение собакам. Русские дипломаты возражали против такой жестокой казни, но, не добившись успеха, демонстративно покинули город (П. П. Ш., 1892; Dobson, 1890, p. 272–273). Впрочем, нельзя не отметить, что подобные действия посланников Российской империи, которые, несомненно, вызвали бы резонанс в дипломатических отношениях с любой из стран Европы, не производили должного впечатления на бухарских властителей, выстраивавших свою внешнюю политику на совершенно других принципах. Соответственно, этот коммуникационный прием не возымел должного эффекта, и представителям российского внешнеполитического ведомства пришлось изыскивать иные средства воздействия на бухарские власти.

Новые возможности официально бороться за отмену наиболее жестоких наказаний появились у российских властей после 1886 г., когда в Бухаре было открыто имперское дипломатическое представительство – Русское императорское политическое агентство. Его руководители обладали весьма широкими полномочиями по прямому взаимодействию с бухарскими монархами и высшими сановниками. Их целенаправленная деятельность по изменению системы наказаний принесла некоторые плоды: уже первый политический агент Н. В. Чарыков (в 1886–1890 гг.) отмечал, что ему удалось добиться отмены, в частности, таких наказаний, как сбрасывание с минарета, и закрытия зинданов (Чарыков, 2016, с. 143). Многие иностранцы, посетившие Бухару в конце XIX в., также отмечали (возможно, со слов Чарыкова или его преемников в политическом агентстве) прекращение сбрасывания с минарета и бросания заключенных в «клоповые ямы» (Boutroue, 1897, p. 24; Olufsen, 1911, p. 337, 548; Phibbs, 1899, p. 163–164).

Еще одним инструментом коммуникации российских властей в борьбе против жестоких наказаний стал своеобразный «собственный пример»: власти русских поселений на террито-

рии Бухарского эмирата (Новая Бухара, Новый Чарджуй, Термез) обладали правом суда на подконтрольной им территории в отношении русских подданных [Почекаев, 2014; Becker 2004, p. 112–116]. По отзывам современников, к русскому суду неоднократно пытались обращаться и бухарцы со своими исками и жалобами: русский суд был гораздо гуманнее эмирского и, соответственно, определял куда менее суровые наказания (Skrine, Ross, 1899, p. 383). Любопытно, что одним из показателей объективности российского суда в глазах местных жителей стало то, что он приговаривал к тюремному заключению, а в исключительных случаях и к смертной казни русских подданных (Ухтомский, 1891, с. 165–174)¹.

Как показали последующие события, Чарыков в значительной степени выдавал желаемое за действительное. Даже закрытие зинданов имело место лишь в отдельных местностях эмирата². Многие средневековые наказания сохранялись – причем в ряде случаев сами же чиновники, ответственные за исполнение приговора, по собственному усмотрению могли заменить менее мучительное повешение на жестокое перерезывание горла [Логофет, 1909, с. 149–150]. Также продолжали практиковаться пытки для получения признания (приковывание к шесту, лишение сна и т. п.) (Olufsen, 1911, p. 574).

Более того, благодаря политике российского Министерства иностранных дел влияние ближайшей имперской пограничной администрации (Туркестанского генерал-губернаторства) на бухарские дела с конца XIX в. постоянно уменьшалось, в результате чего многие достижения Н. В. Чарыкова со временем сошли на нет. Более того, очевидцы 1890-х – 1900-х гг. фиксировали не только сохранение зинданов (Дмитриев-Кавказский, 1894, с. 18–19), но и пребывание в них даже российских подданных (Рок-Тен, 1910а; Norman, 1902, p. 315).

Такая ситуация, конечно же, вызывала беспокойство не только властей, но и представителей гораздо более широких кругов, в частности предпринимателей, чиновников и ученых. Это объяснялось тем, что они в силу своих профессиональных обязанностей посещали Бухарский эмират и, соответственно, не могли быть уверены в том, что смогут в полной мере пользоваться правами и привилегиями, предусмотренными договорами 1868 и 1873 гг., и обеспечить собственную безопасность. Привлечь внимание властей к проблеме они могли лишь двумя способами: путем непосредственного взаимодействия с отдельными государственными сановниками (представителями центрального правительства и региональных администраций) либо же через средства массовой информации. Второй инструмент воздействия смог оказаться куда более эффективным после первой русской революции 1905–1907 гг., одним из результатов которой стало введение свободы печати с отменой предварительной цензуры и, соответственно, появление значительного числа периодических изданий самой разной политической и профессиональной направленности. Благодаря им представители самых разных социальных, политических и профессиональных групп получили возможность донести до широкой общественности сведения о ситуации в Бухарском эмирате [Почекаев, 2021, с. 49–50], в том числе о применявшихся в нем варварских наказаниях и о том, чем их сохранение грозило российским интересам в протекторате.

В результате в конце 1900-х – начале 1910-х гг. появляется целая серия публикаций о наказаниях и тюрьмах в Бухаре.

Так, в статье анонимного автора «Зиндан», опубликованной в «Туркестанских ведомостях» в 1908 г., и в статье «Тюрьмы в Бухаре», автор которой выступал под псевдонимом «Рок-Тен», опубликованной в «Туркестанском курьере» за 1910 г., констатировалось сохранение подземных тюрем в Бухарском эмирате, упразднение которых еще полтора десятилетия назад констатировалось политическим агентом Н. В. Чарыковым (Зиндан, 1908; Рок Тен, 1910б). Точно так же следователь Военно-окружного суда Туркестанского военного округа А. Я. Таранец, побывавший в Бухаре в начале 1910-х гг., не без иронии отмечал, что зиндан

¹ ЦГА РУз. Ф. И-1 (канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). Оп. 9. Д. 114. URL: zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de (дата обращения 30.12.2021).

² См., например: (Логофет, 1910, с. 237).

«уничтожен, по крайней мере официально» (Таранец, 1913, с. 1024), давая понять, что фактически его продолжают использовать.

Автор, скрывшийся за подписью «А. Т-ев», в статье «Публичные наказания в Бухаре», опубликованной также в «Туркестанском курьере» за 1910 г., красочно описывает разнообразные телесные наказания, практикующиеся в Бухаре, в том числе даже в отношении высокопоставленных беков – наместников областей эмирата. Примечательно, что публичный характер казни, по мнению автора статьи, является своеобразной гарантией того, что наказуемый получит именно то количество ударов, к которому был приговорен: если наказывали в здании суда или тюрьме, то преступнику могли дать гораздо больше палок и даже забить его до смерти (Т-ев, 1910).

Следует отметить, впрочем, что эти публикации преследовали цель не только осудить сохранение жестоких наказаний в Бухаре, но и поднять проблему отсутствия контроля над ситуацией в эмирате в целом. Нельзя не обратить внимания на то, что они печатались в газетах, издававшихся в Туркестанском крае, либо же в других изданиях, но представителями военного чиновничества того же региона. А ведь именно его администрация на начальном этапе установления протектората над Бухарой обладала широкими полномочиями в рамках такого контроля, которых была лишена в 1890-е гг. усилиями МИДа. Соответственно, поднимая тему игнорирования бухарскими властями российских предписаний в сфере исполнения наказаний и нарушения прав российских подданных в эмирате, авторы статей завуалировано критиковали политику внешнеполитического ведомства Российской империи и намекали на необходимость возврата контроля над русско-бухарскими отношениями туркестанской администрации. Неслучайно в ряде упомянутых статей имеются отсылки к трудам высокопоставленного туркестанского военного чиновника и журналиста Д. Н. Логофета, который в 1900-х гг. опубликовал серию статей о провале российской политики в Бухарском эмирате, возложив вину именно на Министерство иностранных дел [Брежнева, 2009; Почекаев, 2017].

Обратим внимание, что при использовании данного инструмента политической коммуникации существенно изменились ее субъект и объект: если прежде коммуникацию осуществляли представители имперских властей, воздействуя на правящие круги Бухарского эмирата, то в данном случае коммуникаторами выступали представители широких кругов российской общественности, пытавшиеся воздействовать уже на властные структуры самой Российской империи. И тот факт, что эти публикации отражали противостояние внешнеполитического и военного ведомств Российской империи в борьбе за контроль над политикой в Бухарском эмирате, отнюдь не умалял важности поднимаемой в них проблемы сохранения средневековых видов наказаний в Бухаре, несовместимых с дальнейшим процессом модернизации этого среднеазиатского государства.

В 1910 г. на бухарский трон вступил новый эмир Сейид Алим-хан, в свое время получивший образование в российском кадетском корпусе, и имперские власти увидели в его воцарении подходящий повод для проведения более радикальных преобразований в эмирате. Это в значительной степени касалось и преобразований в системе наказаний, поскольку наличие в ней архаических элементов являлось одним из препятствий дальнейшей интеграции эмирата в политико-правовое пространство Российской империи в итоге с окончательным вхождением его в состав России. Изменившаяся ситуация обусловила возможность восстановления прямой коммуникации региональных имперских властей (в частности, администрации Туркестанского края) с правительством эмирата. Так, туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов в своих отчетах председателю совета министров П. А. Столыпину и военному министру В. А. Сухомлинову упоминает, что рекомендовал новому эмиру отменить такие меры, как приковывание подсудимых и заключенных за шею и надевание на них колодок, запретить применение смертной казни по приговору эмирских сановников и ввести утверждение смертных приговоров исключительно самим эмиром [Тухтаматов, 1977, с. 54].

Однако дальше «декларации о намерениях» дело не пошло. Еще и в середине 1910-х гг., т. е. накануне падения империи и ликвидации системы протекторатов в Средней Азии, оче-

видцы отмечали сохранение жестоких наказаний, в том числе заключение в зиндан – особенно в отношении представителей бедных слоев населения, причем не только по решению эмира, но и по приговорам местных администраторов. Кроме того, беки нарушали предписания самого же эмира, согласно которым могли приговаривать преступников не более чем к 25 ударам палками (сам эмир своим приговором мог увеличить это число до 75 ударов), тогда как 50 ударов фактически уже означали смерть наказуемого (Варыгин, 1916, с. 796–799)³.

Таким образом, можно констатировать, что усилия российских властей по изменению уголовно-исполнительной системы в Бухарском эмирате путем отмены наиболее жестоких наказаний, несмотря на разнообразие использовавшихся средств политической коммуникации, в конечном счете не увенчались успехом по двум причинам. Первая заключалась в отсутствии четкого фиксирования статуса Бухарского эмирата как протектората в русско-бухарских договорах и, как следствие, в отсутствии у России юридических закрепленных инструментов по контролю политики эмирата, в том числе в уголовной и процессуальной сфере. Второй причиной были непрекращающиеся противоречия между Военным министерством и Министерством иностранных дел в отношении политики России в эмирате. Восторжествовавшее в итоге внешнеполитическое ведомство придерживалось политики невмешательства во внутренние дела Бухары, чем не только затормозило процесс преобразований в уголовно-исполнительных отношениях в эмирате, но и способствовало частичной ликвидации тех достижений, которых российская региональная администрация сумела добиться в этой сфере к концу 1880-х гг.

В результате добиться окончательной отмены жестоких наказаний и полного закрытия зинданов имперским властям не удалось вплоть до упразднения российского протектората над Бухарой после Октябрьской революции 1917 г.

Список литературы

- Алимджанов Б. А.** История Бухарского отделения Государственного банка // Вестник Моск. гуманитарно-экономического ун-та. 2018а. № 1. С. 176–188.
- Алимджанов Б. А.** История деятельности Бухарского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. История. 2018б. Т. 63, № 2. С. 597–613.
- Брежнева С. Н.** Бухарский эмират периода протектората России в трудах ученого-востоковеда Д. Н. Логофета // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15, № 4. С. 12–17.
- Искандаров Б. И.** Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. Ч. 1. 356 с.
- Котюкова Т. В.** Имперская политика России в Центральной Азии в «трясине» ведомственных интересов, или Печальная судьба Центрального разведочного бюро // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сб. науч. тр. М., 2020. С. 48–56.
- Логофет Д. Н.** Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб.: В. Березовский, 1909. 239 с.
- Лысенко Ю. А., Гончаров Ю. М.** Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтальной модернизации // Былые годы. 2017. Т. 46, № 4. С. 1480–1487.
- Почекаев Р. Ю.** Российский суд в Бухарском эмирате и его роль в процессе фронтальной модернизации // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Историческое правоведение». СПб., 2014. Вып. 2: Российская судебная власть в контексте историко-правовых исследований. С. 188–203.

³ См. также: [Тухтаметов, 1966, с. 82].

- Почекаев Р. Ю.** Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // *Право*. 2016. № 3. С. 172–184.
- Почекаев Р. Ю.** «Страна бесправия» Д. Н. Логофета как отражение конфликта Военного министерства и МИД России по «Бухарскому вопросу» в начале XX в. // *Военно-юридический журнал*. 2017. № 5. С. 26–30.
- Почекаев Р. Ю.** Использование российских войск в среднеазиатских протекторатах Российской империи // *Военно-исторический журнал*. 2020. № 3. С. 34–39.
- Почекаев Р. Ю.** Властные PR в среднеазиатской политике Российской империи (опыт контент-анализа публикаций о статусе Бухары и Хивы в российской периодике второй половины XIX – начала XX в.) // *Российская пиарология: современные тренды и драйверы*. СПб., 2021. Вып. 12. С. 44–51.
- Турсунова Г. Н.** Торгово-экономические связи Бухары и России позднефеодального периода (XIX – начала XX века) // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 9. С. 183–187.
- Тухтаметов Т. Г.** Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент: Фан, 1966. 181 с.
- Тухтаметов Т. Г.** Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе: Ирфон, 1977. 208 с.
- Халфин Н. А.** Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
- Халфин Н. А.** Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. М.: Наука, 1975. 127 с.
- Becker S.** Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London, New York, Routledge, 2004, 348 p.
- Holdsworth M.** Turkestan in the Nineteenth Century: A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. Oxford, St. Anthony's College, 1959, 81 p.

Список источников

- [**Бернс А.**] Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компанейской службы Александра Борнса. М.: Унив. тип., 1848. Ч. 2. 502 с.
- Варыгин М. А.** Опыт описания Кулябского бекства // *Изв. ИРГО*. 1916. Т. 52, вып. 10. С. 737–803.
- [**Демезон П. И.**] Записки П. И. Демезона / Пер. с фр. В. Г. Воловникова, З. А. Цомартовой // *Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича)*. М., 1983. С. 17–83.
- Дмитриев-Кавказский Л. Е.** По Средней Азии. Записки художника. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1894. 116 с.
- Зиндан // *Туркестанский сборник*. 1908. Т. 491. С. 78–80.
- [**Игнатъев Н. П.**] Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб.: Гос. тип., 1897. 278 с.
- Костенко Л. Ф.** Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб.: Изд. Бортневского, 1871. 109 с.
- [**Кузнецов П. А.**] Дарвоз (Рекогносцировка Ген. шт. кап. Кузнецова в 1892 г.). Новый Маргелан: Ферг. обл. стат. ком., 1893. 175 с.
- Логофет Д. Н.** Через Бухару. Путевые очерки по Средней Азии // *Военный сборник*. 1910. № 7. С. 229–250.
- Маев Н.** Очерки Бухарского ханства // *Материалы для статистики Туркестанского края*. 1879. Вып. 5. С. 77–130.
- Мейендорф Е. К.** Путешествие из Оренбурга в Бухару / Ред. и вступ. ст. Н. А. Халфина; пер. с фр. Е. К. Бетгера. М.: Наука, 1975. 180 с.
- П. П. Ш.** Недавняя трагедия в Бухаре // *Исторический вестник*. 1892. № 5. С. 466–475.
- Рок-Тен.** Положение русских в Бухаре // *Туркестанский сборник*. 1910а. Т. 543. С. 1–4.

- Рок-Тен.** Тюрьмы в Бухаре // Туркестанский сборник. 1910б. Т. 543. С. 56–58.
- Серебренников А.** Очерк Памира. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. 97 с.
- Стремоухов Н. П.** Поездка в Бухару (извлечение из дневника) // Русский вестник. 1875. Т. 117. С. 629–695.
- Т-ев А.** Публичные наказания в Бухаре // Туркестанский сборник. 1910. Т. 543. С. 26–27.
- Таранец А. Я.** Поездка в Бухару // Исторический вестник. 1913. Т. 132. С. 1019–1038.
- Татаринов А.** Семимесячный плен в Бухарии. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1867. 136 с.
- Ухтомский Э.** От Калмыцкой степи до Бухары. СПб.: Тип. В. П. Мещерского, 1891. 214 с.
- Ханыков Н.** Описание Бухарского ханства. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1843. 279 с.
- Чарыков Н. В.** Беглый взгляд на высокую политику / Пер. с англ. Л. А. Пуховой. М.: Русский путь, 2016. 416 с.
- Boutroue A.** En Transcaspië: Notes de voyage. Paris, Ernest Leroux, 1897, 36 p.
- Dobson G.** Russia's Railway Advance into Central Asia: Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand. London, Calcutta, W. H. Allen and Co., 1890, 439 p.
- Norman H.** All the Russias: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus, & Central Asia. London, W. Heinemann, 1902, 476 p.
- Olufsen O.** The Emir of Bokhara and his Country. Journeys and Studies in Bokhara (with a Chapter of my Voyage on the Amu Darya to Khiva). London, W. Heinemann, 1911, 599 p.
- Phibbs I.** A Visit to the Russians in Central Asia. London, K. Paul, Trench, Trübner & Co., Ltd., 1899, 238 p.
- Skrine F. H., Ross E. D.** The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, Methuen & Co., 1899, 444 p.

References

- Alimdzhanov B. A.** Istoriya Bukharskogo otdeleniya Gosudarstvennogo banka [The History of Bukhara Department of the State Bank]. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow Humanitarian Economic University], 2018, no. 1, pp. 176–188. (in Russ.)
- Alimdzhanov B. A.** Istoriya deyatel'nosti Bukharskogo otdeleniya Russko-Aziatskogo kommercheskogo banka [The History of the Activity of the Bukhara Branch of the Russian-Asian Commercial Bank]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the St. Petersburg University. History], 2018, vol. 63, no. 2, pp. 597–613. (in Russ.)
- Becker S.** Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London, New York, Routledge, 2004, 348 p.
- Brezhneva S. N.** Bukharskii emirat perioda protektorata Rossii v trudakh uchenogo-vostokoveda D. N. Logofeta [Emirate of Bukhara during the Protectorate Period in Works of Orientalist D. N. Logofet]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], 2009, vol. 15, no. 4, pp. 12–17. (in Russ.)
- Holdsworth M.** Turkestan in the Nineteenth Century: A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. Oxford, St. Anthony's College, 1959, 81 p.
- Iskandarov B. I.** Vostochnaya Bukhara i Pamir vo vtoroi polovine XIX v. [Eastern Bukhara and Pamirs in the 2nd Half of the 19th Century]. Dushanbe, Izdatel'stvo AN TadzhSSR, 1962, pt. 1, 356 p. (in Russ.)
- Khalfin N. A.** Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.) [Joining of the Central Asia to Russia (1860s – 1890s)]. Moscow, Nauka, 1965, 468 p. (in Russ.)
- Khalfin N. A.** Rossiya i Bukharskii emirat na Zapadnom Pamire [Russia and the Emirate of Bukhara in the Western Pamirs]. Moscow, Nauka, 1975, 127 p. (in Russ.)
- Kotyukova T. V.** Imperskaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii v "tryasine" vedomstvennykh interesov, ili Pechal'naya sud'ba Tsentral'nogo razvedochnogo byuro [Imperial Policy of Russia

- in the “Quagmire” of Departmental Interests, or the Sorrowful Fate of the Central Bureau of Investigation]. In: Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv. [Central Asia at the Crossroads of European and Asiatic Political Interests: 18th – 19th Centuries]. Collection of Scientific Works. Moscow, 2020, pp. 48–56. (in Russ.)
- Logofet D. N.** Strana bespraviya. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoe sostoyanie [The Country of Lawlessness. The Khanate of Bukhara and its Current State]. St. Petersburg, V. Berezovskii, 1909, 239 p. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A., Goncharov Yu. M.** Bukharskii emirat i Khivinskoe khanstvo vo vneshnei politike Rossiiskoi imperii: opyt frontirnoi modernizatsii [The Emirate of Buhara and the Khanate of Khiva in Foreign Policy of the Russian Empire: Experience of the Frontier Modernization]. *Bylye gody [Past Years]*, 2017, vol. 46, no. 4, pp. 1480–1487. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** Rossiiskii sud v Bukharskom emirate i ego rol' v protsesse frontirnoi modernizatsii [Russian Court in Bukhara Emirate and its Role in the Process of Modernization in the Outskirts (“Frontier Modernization”)]. In: Sborniki Prezidentskoi biblioteki. Seriya “Istoricheskoe pravovedenie” [Collected Works of the Presidential Library. Series “Historical Jurisprudence”]. St. Petersburg, 2014, iss. 2: Rossiiskaya sudebnaya vlast' v kontekste istoriko-pravovykh issledovaniy [Russian Judicial Authority in the Context of Historical Legal Studies], pp. 188–203. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** Vklyuchenie Bukharskogo emirata i Khivinskogo khanstva v tamozhennuyu chertu Rossiiskoi imperii (1895 g.) [Inclusion of Bukhara Emirate and Khiva Khanate into the Customs System of the Russian Empire (1895)]. *Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*, 2016, no. 3, pp. 172–184. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** “Strana bespraviya” D. N. Logofeta kak otrazhenie konflikta Voennogo ministerstva i MID Rossii po “Bukharskomu voprosu” v nachale XX v. [“The Country of Lawlessness” by D. N. Logofet as a Reflection of Conflict between the War Ministry and Ministry of Foreign Affairs of Russia on the “Bukhara Issue” at the Beginning of the 20th Century]. *Voенно-yuridicheskii zhurnal [Military Legal Journal]*, 2017, no. 5, pp. 26–30. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** Ispol'zovanie rossiiskikh voisk v sredneaziatskikh protektoratakh Rossiiskoi imperii [Using Russian Troops in the Central Asian Protectorates of the Russian Empire]. *Voенно-istoricheskii zhurnal [Military History Journal]*, 2020, no. 3, pp. 34–39. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** Vlastnye PR v sredneaziatskoi politike Rossiiskoi imperii (opyt kontent-analiza publikatsii o statuse Bukhary i Khivy v rossiiskoi periodike vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.) [Public Affairs in the Central Asian Policy of the Russian Empire (Attempt of the Content Analysis of Publications on the Status of Bukhara and Khiva in the Russian Periodicals of the 2nd Half of 19th – Beginning of the 20th Century)]. In: Rossiiskaya piarologiya: sovremennyye trendy i draivery [Russian PR Studies: Modern Trends and Drivers]. St. Petersburg, 2021, iss. 12, pp. 44–51. (in Russ.)
- Tukhtametov T. G.** Russko-bukharskie otnosheniya v kontse XIX – nachale XX v. Pobeda Bukharskoi narodnoi revolyutsii [Russo-Bukharan Relations at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century. Victory of the Bukharan People's Revolution]. Tashkent, Fan, 1966, 181 p. (in Russ.)
- Tukhtametov T. G.** Rossiya i Bukharskii emirat v nachale XX veka [Russia and the Emirate of Bukhara at the Beginning of the 20th Century]. Dushanbe, Irfon, 1977, 208 p. (in Russ.)
- Tursunova G. N.** Torgovo-ekonomicheskie svyazi Bukhary i Rossii pozdnefeodal'nogo perioda (XIX – nachala XX veka) [Trade-Economic Connections of Bukhara and Russia of the Late Feudal Period (19th – Beginning of 20th Century)]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Transformation of the Economy]*, 2014, no. 9, pp. 183–187. (in Russ.)

List of Sources

- Boutroue A.** En Transcaspië: Notes de voyage. Paris, Ernest Leroux, 1897, 36 p.
- Burns A.** Puteshestvie v Bukharu leitenanta Ost-Indskoi kompanieiskoi sluzhby Aleksandra Bornsa [Travels into Bokhara, Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1848, pt. 2, 502 p. (in Russ.)
- Charykov N. V.** Beglyi vzglyad na vysokuyu politiku [Glimpses of High Politics: Through War and Peace, 1855–1929: The Autobiography of N. V. Tcharykov, Serf-owner, Ambassador, Exile]. / Transl. from Engl. by L. A. Pukhova. Moscow, Russkii put', 2016, 416 p.
- Desmaisons P. I.** Zapiski P. I. Demezona [Notes by P. I. Desmaisons] / Transl. from French by V. G. Volovnikov and Z. A. Tsomartova. In: Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha) [Notes on the Khanate of Bukhara (Reports of P. I. Desmaisons and I. V. Vitkevich)]. Moscow, 1983, pp. 17–83. (in Russ.)
- Dmitriev-Kavkazsky L. E.** Po Sredney Azii. Zapiski khudozhnika [Across the Central Asia. Artist's Notes]. St. Petersburg, Izdanie A. F. Devriena, 1894, 116 p. (in Russ.)
- Dobson G.** Russia's Railway Advance into Central Asia: Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand. London, Calcutta, W. H. Allen and Co., 1890, 439 p.
- Khanykov N.** Opisanie Bukharskogo khanstva [Description of the Khanate of Bukhara]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1843, 279 p. (in Russ.)
- Kostenko L. F.** Puteshestvie v Bukharu russkoi missii v 1870 godu [Travel of the Russian Mission to Bukhara in 1870]. St. Petersburg, Bortnevsky Publ., 1871, 109 p. (in Russ.)
- [**Kuznetsov P. A.**] Darvoz (Rekognostirovka Gen. sht. kap. Kuznetsova v 1892 g.) [Darvaz. The Reconnoitering by the Captain of General Staff Kuznetsov in 1892]. New Margelan, Ferganskii oblastnoi statisticheskii komitet, 1893, 175 p. (in Russ.)
- Logofet D. N.** Cherez Bukharu. Putevye ocherki po Srednei Azii [Throughout Bukhara. Travel Notes on the Central Asia]. *Voennyi sbornik [Military Digest]*, 1910, no. 7, pp. 229–250. (in Russ.)
- Maev N.** Ocherki Bukharskogo khanstva [Essays on the Khanate of Bukhara]. *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraja [Materials for the Statistics of the Turkestan Region]*, 1879, iss. 5, pp. 77–130. (in Russ.)
- Meyendorff E. K.** Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. Ed. and intr. by N. A. Khalfin; transl. from French by E. K. Betger. Moscow, Nauka, 1975, 180 p. (in Russ.)
- Missiya v Khivu i Bukharu v 1858 g. fligel'-ad'yutanta polkovnika N. Ignat'eva [Mission of the Aide-de-Camp Colonel Ignat'ev to Khiva and Bukhara in 1858]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1897, 278 p. (in Russ.)
- Norman N.** All the Russias: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus, & Central Asia. London, W. Heinemann, 1902, 476 p.
- Olufsen O.** The Emir of Bokhara and his Country. Journeys and Studies in Bokhara (with a Chapter of my Voyage on the Amu Darya to Khiva). London, W. Heinemann, 1911, 599 p.
- P. P. Sh.** Nedavnyaya tragediya v Bukhare [Recent Tragedy in Bukhara]. *Istoricheskii vestnik [Historical Herald]*, 1892, no. 5, pp. 466–475. (in Russ.)
- Phibbs I. A.** Visit to the Russians in Central Asia. London, K. Paul, Trench, Trübner & Co., Ltd., 1899, 238 p.
- Rok-Ten.** Polozhenie russkikh v Bukhare [The Status of Russians in Bukhara]. *Turkestanskii sbornik [Turkestan Collection]*, 1910, vol. 543, pp. 1–4. (in Russ.)
- Rok-Ten.** Tyur'my v Bukhare [Prisons in Bukhara]. *Turkestanskii sbornik [Turkestan Collection]*, 1910, vol. 543, pp. 56–58. (in Russ.)
- Serebrennikov A.** Ocherk Pamira [Essay on the Pamirs]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1900, 97 p. (in Russ.)

- Skrine F. H., Ross E. D.** The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, Methuen & Co., 1899, 444 p.
- Stremoukhov N. P.** Poezdka v Bukharu (izvlechenie iz dnevnika) [Trip to Bukhara (Extract from the Diary)]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1875, vol. 117, pp. 629–695. (in Russ.)
- T-ев A.** Publichnye nakazaniya v Bukhare [Public Punishments in Bukhara]. *Turkestanskii sbornik* [*Turkestan Collection*], 1910, vol. 543, pp. 26–27. (in Russ.)
- Taranets A. Ya.** Poezdka v Bukharu [Trip to Bukhara]. *Istoricheskii vestnik* [*Historical Herald*], 1913, vol. 132, pp. 1019–1038. (in Russ.)
- Tatarinov A.** Semimesyachnyi plen v Bukharii [Seven Months of Captivity in Bukhara]. St. Petersburg, Moscow, Izdanie M. O. Vol'fa, 1867, 136 p. (in Russ.)
- Ukhtomsky E.** Ot Kalmytskoi stepi do Bukhary [From the Kalmyk Steppe to Bukhara]. St. Petersburg, Tipografiya V. P. Meshcherskogo, 1891, 214 p. (in Russ.)
- Varygin M. A.** Opyt opisaniya Kulyabskogo bektstva [Attempt of Description of the Kulyab Province]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [*Proceedings of the Imperial Russian Geographic Society*], 1916, vol. 52, no. 10, pp. 737–803. (in Russ.)
- Zindan. *Turkestanskii sbornik* [*Turkestan Collection*], 1908, vol. 491, pp. 78–80. (in Russ.)

Информация об авторе

Роман Юлианович Почекаев, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
Scopus Author ID 57190090464
WoS Researcher ID K-2921-2015

Information about the Author

Roman Yu. Pochekaev, Doctor of Sciences (History), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Scopus Author ID 57190090464
WoS Researcher ID K-2921-2015

*Статья поступила в редакцию 23.01.2022;
одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 03.03.2022
The article was submitted 23.01.2022;
approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 03.03.2022*